

Ина Голдин

КОЛЫБЕЛЬНАЯ для маленьких солдат

абрикобукс

Ина Голдин

**Колыбельная для
маленьких солдат**

«Абрикобукс»

2025

Голдин И.

Колыбельная для маленьких солдат / И. Голдин — «Абрикобукс»,
2025

ISBN 978-5-6053217-6-7

В королевстве Гибеа мир хрупок, а война отбрасывает свою тень повсюду. Потерянный принц Джон Бенджамин скрывается от тех, кто на него охотится, — привычное в общем-то дело для него и его отряда. Но в жизни Джона внезапно появляется девятилетний мальчишка Джей-Би, перед которым стоят совершенно недетские вопросы и задачи. Чем страшнее мир, тем больше в нем нерешаемых дилемм. Что произойдет, когда невероятная сила встретится с непреодолимым препятствием? А если эта сила — оружие, а препятствие — искренняя привязанность? «Колыбельная для маленьких солдат» — история о том, как любовь и человечность могут пробудить надежду даже в самых темных уголках мира, которому, казалось, давно пришел конец.

ISBN 978-5-6053217-6-7

© Голдин И., 2025
© Абрикобукс, 2025

Содержание

Агент	6
Джон	13
Агент	18
Джон	19
Агент	28
Джон	31
Агент	38
Джон	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ина Голдин
Колыбельная для маленьких
солдат (Ма аварех)

© Хмелевская И. Ю., 2025

© Глейзер Е. В., 2025

© ООО «Издательство «Абрикос», 2025

Агент

Джет опустился на заросшее желтыми цветами поле, бывшее раньше военным аэродромом. Теперь только полуразбомбленные ангары выступали из травы и спал в цветах вертолет без винта, завалившись набок.

В Гибее мир. Мир, которого эта страна не заслужила.

На проверку готовности ушло не более минуты. Все это почти не отличалось от их предыдущих миссий, только на сей раз куратор не стал спускаться с джета.

– Ну, – сказал он, нахмурившись, в последний раз оглядывая Агента. – Не провали задание.

– Есть, – сказал Агент.

Куратор хотел добавить еще что-то. Вздохнул, покачал головой:

– Что мне тебе объяснять. Ты же все понял.

– Понял, – кивнул Агент. Он ощутил странное желание подняться обратно в машину, приблизиться к куратору, получить телесный контакт – как он видел в учебных фильмах.

ТЬфу. Дисфункция. Только этого не хватало.

Агент поправил рюкзак, тронул за поясом пистолет.

– Время randevу помнишь?

– Так точно.

Больше ничего сказано не было, дверь закрылась. Джет тихо снялся с аэродрома. Агент проводил его глазами и остался один в притихшей траве. Поглядел зачем-то еще раз в небо и направился к пустой дороге, которая должна была вывести в город. Через остатки каменных ворот вышел на небольшой пустырь, где дети играли в мяч. Мельком поразился их неточности и беспомощности. Неужели их никто не корректирует? Агент присмотрелся: из-за жары все были в шортах и майках, на теле – никаких следов коррекции. Правильно дядь Вася говорит: гражданские – это безнадежно.

Не дядь Вася, а куратор, поправил он сам себя. Не маленький уже.

У него самого еще чесалась спина от вчерашнего «разговора», но это скоро пройдет, и тоже следов не останется.

Агент продолжил путь. Разноцветье окружающего мира, как обычно, сбивало с толку. Никакой четкости, зато все ужасно ярко. В лаборатории у каждого оттенка формы была своя задача, а тут все одевались кто во что горазд. Агент по опыту знал, что скоро притерпится. Его и самого во время вылазок наряжали так, чтобы не выделяться среди гражданских. Он остановился у витрины маленького торгового центра. Оглядел себя. Куртка с алыми бабочками на погонах все-таки немного смахивала на форменную, но остальное – шорты, канареечные гольфы и кроссовки с разноцветными липучками... Попробовал бы он в таком виде появиться на тренировке.

Отражение в витрине фыркнуло. Агент нагнулся, спустил гольфы так, чтобы они неаккуратно спадали на кроссовки, как у тех играющих мальчишек. Перевесил рюкзак на одно плечо. Вот теперь – точно не отличишь от местного. Даже пистолет за поясом как будто игрушечный. Куратор говорил, что он должен быть благодарен, мол, специально под него оружие делают. Агент, если честно, предпочел бы нормальный глок.

Он прошел чуть дальше вдоль витрины, и взгляд его уперся в розовый фургон с мороженым. Агент знал, что это такое. Два раза на миссии куратор покупал ему рожок, пока они ждали цель. Рот наполнился слюной. Агент сглотнул ее с досадой. Мороженое, разложенное по лоткам, тоже было разноцветным, но здесь это хоть можно объяснить: от цвета зависит вкус.

Он смотрел на фургон непозволительно долго, так что продавщица его окликнула:

– Ну что ты смотришь? Рад бы в рай, да грехи не пускают?

Агент молчал. У него были деньги, но явно не на такие траты. Хотя если он так и будет стоять, то привлечет внимание. Он шагнул к фургону. Тетка проворно вывернула шарик из лотка с розовым мороженым, плюхнула в рожок и протянула ему.

– Бери. Бери, не стой. Заработаешь четвертак – отдашь.

Агент взял, чувствуя, как рожок холодит пальцы.

– Что, решил уроки прогулять?

Тут у него прорезался голос. Можно опробовать на ней легенду. Это понятно, это он знает.

– Я не прогуливаю, – сказал он. – Я раньше в Нофе учился, а там школу разбомбили. Ребят в другую перевели, а мои документы потеряли. А потом мама решила сюда переехать, все равно у нас там никого не осталось. Она сейчас бегаёт, документы оформляет, а меня с собой не взяла.

Продавщица покачала головой, пробормотала что-то вроде «И за что нам все это, господи...».

– Ешь давай. Растает же сейчас.

И правда, розовые капли падали и расплывались на асфальте. Агент отошел, присел на скамейку и принялся за мороженое. Вкус тоже был неприлично яркий. Дядь Вася ворчал, что оно не питательное и вредное, только гражданских баловать. Но Агент все равно уничтожил все до конца, сжевал почти безвкусный рожок и долго облизывал пальцы. И так и не понял, почему тетка отдала ему продукт просто так, без денег.

Не зря он подошел к фургону. Скамейка, на которой устроился Агент, оказалась стратегически расположена. Оттуда он отлично слышал разговоры людей, подходивших кто за мороженым, а кто – к стоявшему тут же газетному киоску. На Агента не обращали внимания – а если бы обратили, он выдал бы ту же легенду. Он болтал ногами, слизывал мороженое с пальцев и прислушивался.

– Ох, какая жара. Дай-ка мне лимонного льда, Сара. Слышала, на дороге опять...

– Не оставят они нас в покое, господи...

– А в новостях опять ничего не скажут, помяни мое слово. У нас, видите ли, мир...

– Этот кабыздох даже пальцем не пошевелит, пока мы тут все на воздух не взлетим...

– Да если б не наши мальчишки...

– Тише ты! Не кричи на весь город!

– Да хотела бы я посмотреть, кто во всем городе хоть слово против них скажет...

– Тьфу на тебя, замолчи! Ты людей не знаешь, что ли? Да и уши везде...

– Знаете, – вступил в разговор мужчина, отошедший от киоска с газетой в руке, – мне вот сдается, что нашему доброму королю одинаково наплевать что на нас, что на них...

– А если наплевать, так и дал бы амнистию!

– Ничего вы, дамы, не понимаете. Если дать ему амнистию, так он может захотеть и трона. Уважающему себя монарху такого не надо...

Когда он отошел, засунув газету под мышку, мороженщица перегнулась через стойку и зашептала совсем тихо. Пришлось напрячь слух.

– Скажи им, когда придут... ошивались тут... а может, и не по их душу, но откуда мне знать...

Значит, «горные братья», которых он ищет, навещают эту женщину с лимонным льдом. Наверное, приходят реквизируют провиант. Они и приведут Агента к своему командиру, Джону Бенджамину, на которого у Агента приказ.

Он дождался, пока женщина отойдет, слез со скамейки, послал мороженщице улыбку («Не забывай улыбаться», – учил куратор) и отправился следом.

В других странах шагать вот так по людному тротуару посреди дня могло быть опасно. Уже бывало, что его останавливали и спрашивали, отчего он не со взрослыми. Но Гибя недавно пережила войну, и тут, как объяснял дядь Вася, никто не удивлялся, что «всякая безотцовщина по городу шатается». И верно, Агента никто не замечал, даже когда ему приходилось ждать, пока объект слежки выйдет из магазина или закончит говорить со встреченной посреди улицы подругой. Он держался как обычно на миссии – достаточно близко к объекту, чтобы другие думали, будто это его ответственный взрослый, но так, чтобы сам объект ничего не заподозрил.

«Мама, – он вспомнил, как надо называть ответственных взрослых, – папа».

Шли долго. Хотя цель была крупной, часто останавливалась, чтобы промокнуть лоб, и несла довольно тяжелую сумку с продуктами, в автобус она садиться не стала. Агент поглядел, решил, что можно попытаться. Он нагнал женщину.

– Давайте я понесу.

Та оглядела его с головы до ног, сперва недоверчиво. Но аккуратный вид Агента развеял ее сомнения.

– Спасибо, мой хороший. – Она с облегчением передала ему сумку. – Как тебя зовут?

«Гражданским нужно имя, – говорил куратор. – Не лабораторное обозначение, не кодовое, не позывные. Их это испугает».

Агенту редко выпадало говорить с гражданскими, и он обходился придуманными именами. Но в этот раз ему позволили использовать первые буквы его обозначения, которые вполне могли сойти за имя.

– Джей-Би, – сказал он женщине. Выдал ей ту же историю, что и мороженщице, и за рассказом не заметил, как они дошли до самой окраины города.

Магазинчик, куда они направлялись, стоял на отшибе, сразу за ним начинались дюны, а дальше темнел лес. Внутри магазина было темно, прохладно и пахло чем-то сладким. Женщина дала Агенту стакан сока и несколько конфет, которые пришлось рассовать по карманам. Во-первых, Агент хотел сперва рассмотреть их как следует, прежде чем есть, а во-вторых, дядь Вася говорил, что от сахара слипаются мозги. А мозги ему сейчас нужны нормальные.

Спина опять зачесалась – как напоминание. Он сам виноват, конечно. Знал ведь, что нельзя спорить с куратором, зачем надо было говорить, что это нечестно?

– Вы же сами хотели, чтоб я подслушал!

– Хотел, – кивнул тот, – и что, я хотел, чтоб ты попался?

Против этого возразить было нечего. Осталось только снять футболку и повернуться.

– Что я тебе говорил?

– Наказание не бывает несправедливым.

Про себя он думал: мало ли провод. Он уже не младенец, чтобы провода бояться. Судя по подслушанному разговору, теперь ему надо бояться «завершения проекта».

Куратор всегда учил: недостаточно услышать, нужно проанализировать. Так что Агент сидел на высоком стуле, медленно потягивал сок из стакана и пытался анализировать. Дядь Вася сказал ему перед самым выходом:

– Если не сможешь выполнить задание – не возвращайся.

Но инструкция-то была другая. Вернуться на базу вне зависимости от исхода миссии. Это что же, куратор хочет, чтоб он нарушил инструкции?

Агент фыркнул. Ерунда на постном масле, по словам дядь Васи.

Он сильнее заболтал ногами. Отчего-то это помогало думать, но он опять забыл внести это в дневник наблюдений, а на миссии дневник не ведется.

Наверное, куратор тоже не хочет завершения проекта. Агент вздохнул. Но если он и в самом деле бракованный – зачем он «Нойе Орднунгу»? Для того чтобы следить за порядком в мире, нужны только самые лучшие бойцы. Его для того и растили – чтоб он был самым лучшим.

Из подсобки вышла серая полосатая кошка. Потянулась, подошла к Агенту и стала тереться о его ноги. Он обмер.

* * *

– Не понимаю, что вас так удивляет. Проект уже давно собирались закрывать, собственно, и проекта никакого не осталось. Для него нужны подопытные, а практически все ваши подопытные... – Гость развел в воздухе руками. Агент не слишком хорошо видел его через решетку вентиляции, но и так было понятно: это кто-то важный. – Конечно, задумка была многообещающей, я даже допускаю, что кто-то из наших высших чинов мог к этому проекту прикипеть, но не забывайте, в конце концов, о рентабельности...

– А вы не играйте в бухгалтера, – раздался другой голос. Доктор Вернер, директор лаборатории.

От этого голоса у Агента всегда становилось неприятно холодно в животе. Он не любил записывать такое в дневник, потому что знал: это страх. А бояться Агент не должен. Тем более – своих.

– Согласен, на конвейер производство поставить не удалось... по крайней мере, до сих пор. Но я вам напомню, что и Воин – единичный проект. И вы сейчас, глядя мне в глаза, станете утверждать, что Воин нерентабелен?

– Доктор Вернер, – скучно сказал гость, – даже если мы допустим, что целью проекта являлось создание только одного... экземпляра, вы мне можете поручиться, что у оставшегося объекта завтра не случится срыва, как у других?

– Если бы вы внимательно просмотрели досье, – доктор был явно недоволен, и даже Агенту в своем убежище стало неуютно, – вы бы знали, что объект четырнадцать уже сейчас показывает результаты лучше, чем были у остальных клонов. Я думаю, что нам наконец удалось добиться необходимых условий для воспитания агентов, учитывая, что генматериал у них был один и тот же. Остальные... что ж, это вполне нормальный процент выбраковки, учитывая сложность эксперимента.

– Вот уж сложный эксперимент – вырастить десяток пацанов и научить воевать!

Еще один знакомый голос. Агент Бернс иногда приходил к ним «потренировать малышню». Моложе, чем остальной персонал лаборатории, – но в полевые агенты старых не берут. Дядь Вася рассказывал, что Бернса буквально подобрали с улицы, но в это как-то не верилось.

– Агент Бернс. Я не думаю, что вы обладаете необходимыми знаниями, чтобы принимать участие в обсуждении проекта...

– И тем не менее агент Бернс выразил наше общее беспокойство. Эксперимент, который требует больших затрат, тогда как мы могли бы с гораздо меньшим бюджетом просто набрать детей с улиц...

Тут у доктора голос стал ледяным, как холодильный отсек, в котором Агент ненавидел тренироваться:

– Я понимаю, что агент Бернс жалеет о том, что Организация не приютила его в свое время, когда он голодным бегал по улицам. Но я также вынужден констатировать, коллега, что вы абсолютно не понимаете суть проекта.

– Ну, бог с вами. Мне все это известно: и ваша чудесная вакцина, и суперспособности...

– Очевидно, нет. Суперспособности не являются основополагающими. Главное – то, что нам дана возможность воспитать их носителя в полном соответствии с идеалами. Для них нам не понадобится промывка мозгов и прочие варварские процедуры. У нас будут солдаты, в прямом смысле с колыбели верные «Нойе Орднунгу». И я устал объяснять это Комиссии.

– Разумеется. Но Комиссия получала доклады о причинах выбраковки ваших подопечных. Нашу идеологию усвоили далеко не все...

– Я не сомневаюсь, что Комиссия прекрасно информирована обо всем, что у нас здесь происходит...

– Э, док, вот только на меня так смотреть не надо. – Бернс поднял руки вверх.

– Так или иначе, – продолжил гость, – ваш объект четырнадцать способен точно так же взбрыкнуть.

– И вы предлагаете ликвидировать агента, в которого столько было вложено, только потому, что он может «взбрыкнуть»?

– Да поймите наконец, мы не в состоянии вкладывать в него и дальше, и в целях сохранения секретности...

В вентиляционной трубе было пыльно, и Агент, сиюсь не чихнуть, пропустил конец фразы.

– Так отправь его на задание.

Это сказал куратор.

– Четырнадцатый уже несколько раз выходил на миссии в моем сопровождении и вполне может справиться один. И вы сами убедитесь, на что он способен.

– А если во время миссии он сбежит? – снова гость.

– Вы опять не слушаете меня, коллега. Он верен «Нойе Орднунгу». Для него в побеге нет смысла.

Гость молчал, раздумывая, а Агент не мог совладать с эмоциями. Дядь Вася считал, что он готов к одиночной миссии! Даже доктор Вернер так считал. Зря Агент его боялся. Доктор ведь всегда говорил: все процедуры и тесты и даже коррекция – только для того, чтобы сделать Агента сильнее.

– Ну хорошо, – утомленно произнес гость. – Я свяжусь с Комиссией. Хотя и не уверен, что она одобрит эту... самостоятельность. Следует подобрать задание, которое можно доверить ребенку.

– Он не ребенок, – сказал куратор. – Он боец.

Это верно. Он боец.

Агент допил сок, отнес стакан в подсобку, куда указала хозяйка.

Он не просто боец – он воин «Нойе Орднунга». «Точная копия Воина, – сказал однажды доктор Вернер. – У тебя те же самые гены и та же самая кровь. Это значит, что ты можешь то, на что большинство смертных не способны. Много людей трудились над тем, чтобы создать Воина. Еще больше – над тем, чтобы усовершенствовать его копии. Если у нас получится, ты станешь практически совершенным оружием...»

Конечно, станет. Агент сможет выполнить миссию. И когда он вернется на базу, они увидят, что завершать проект не нужно.

Агент помыл стакан в маленькой раковине и искал, куда бы его поставить, когда услышал шаги за дверью магазина. Увидел, как внутрь зашли два парня в спортивных костюмах, и быстро спрятался за шкафчик с жестяными банками.

– Мир тебе, мать, – сказал тот, что поздоровее.

– Да где его с вами возьмешь, этот мир, – вздохнула тетка. – Знаю я, зачем явились. В подсобку вон идите, там на ящиках написано «консервы».

Агент стоял не двигаясь. Парни зашли в подсобку и, явно делая это не в первый раз, быстро отыскали нужные коробки и в несколько ходок вытащили на улицу.

– Тот ящик, где звякает, – там я вам сливовицы домашней налила. Она крепкая, вместо спирта будет. А с лекарствами – уж извините, на меня и в прошлый раз в аптеке уже косились, не ровен час, в ГСБ потащат...

– Вы наша спасительница, – сказал другой парень, шуплый и белобрысый. – Как все закончится, сам вам памятник поставит. Прямо в столице, на площади.

– Поставят, поставят, – сказала хозяйка, – и без него обойдутся. Вот прямо тут на кладбище, уже скоро. Ваша братия меня в могилу сведет. Да, вот что еще. Сара, которая в центре торгует, говорит: приходили, о вас спрашивали. Кто да что, она не знает, но, я так думаю, из структур. Передайте его голоштанному высочеству, чтобы сидел тихо и не высовывался.

Агент услышал, как зафырчала машина, и вышел наконец из убежища. Тетка уставилась на него с испугом: она явно о нем забыла.

– Господи, а ты что тут...

– Ничего, – сказал он. – Я стакан помыл. Спасибо за сок.

– Запомни, – сказала она строго, – ты тут никого не видел.

– Не видел. – Он кивнул и снова вспомнил, что нужно улыбнуться. – А кто тут был?

– Вот и хорошо.

Тетка с видимым облегчением взяла в банке у кассы ярко-красный леденец на палочке и сунула ему.

– Я пойду, тетя, – сказал Агент. – А то мама вернется и меня потеряет.

Когда он выбежал на улицу, машины уже и след простыл, но дорога тут была одна, и, судя по разговору, «братия» собиралась обратно в горы. Агент сунул леденец в карман шортиков и побежал, постепенно набирая скорость. Грунт мягко ударял о подошвы кроссовок, теплый ветер обдувал лицо. Агент знал, что не его дело – судить о задании, но вот это ему определенно нравилось.

ДЖОН

Было тихо, в медовом воздухе позднего лета раздавался отчетливый птичий щебет. От старых рельсов ощутимо пахло нагретым железом. Парни уложили на них срубленное дерево, и теперь оставалось только ждать.

– А вы слышали про поезд-призрак? – спросил Хантер. Джон по-прежнему именовал его лейтенантом, хотя считалось, что все они здесь – дезертиры и предатели. – Говорят, это похоронный поезд наместника Райхеля. Если в годовщину его смерти ночь выпадет лунная, можно увидеть, как он едет.

Джон зевнул. Родители Хантера были с американского Юга, но вырос он в Гибее, и в голове у него техасские легенды мешались с местными.

– Ты сто раз рассказывал про этот призрак...

– До чего же я любил в детстве такие фильмы, – сказал Фаркаш. – Знаете, там индейцы нападали на поезда. Убивали бледнолицых и все такое.

– И снимали скальп, – кивнул Грант. – А что. Из нас отличное индейское племя получается. Только надо имена придумать. Большое Ухо там, например...

– Угу, или Маленький Хрен. В самый раз для тебя.

– А еще у них лица были размалеванные, – сказал Маллори. – И лошади. На лошадях-то удобнее...

– Вождю надо имя, – не успокаивался Грант. – Джон Острый Коготь, например. Или...

– Как насчет Джон-два-наряда-вне-очереди-если-кто-то-сейчас-не-заткнется?

Джон понимал, что ребята пытаются немного ослабить напряжение перед рывком, и был им за это благодарен. Но все это ему очень не нравилось. И эти рельсы. И поезд.

Никакой железной дороги здесь вообще не должно было быть. Точнее, она была – до войны тут ходили старые пассажирские поезда, развозя людей по маленьким станциям у самых гор. Последний участок дороги – перегон из Нофы в забытый богом Зиф, нынешнюю демилитаризованную зону, – давно уже не использовался. Потом пути разбомбили в нескольких местах, и местные власти не спешили их налаживать – у них и других дел хватало, а дорога и раньше была не слишком рентабельна.

Джон, когда они с ребятами только обосновались здесь, тоже к этим путям присматривался, но потом плюнул, и они мирно зарастали травой.

А потом – совершенно неожиданно – их починили. Причем, насколько Джон знал, официального строительства не объявлялось, и никто не слышал, чтобы какой-нибудь местной компании давали на это грант. Просто как-то раз появились деловитые люди в оранжевых жилетах, буквально за неделю отремонтировали разбомбленные участки и пропали так же незаметно, как и возникли.

Правда, пассажирские поезда ходить так и не стали. Какой смысл? Те села и деревеньки, где раньше располагались станции, либо были разрушены во время налетов, либо просто стояли пустыми: люди переезжали в безопасные места или в города побольше – вроде Новой Надежды.

Зато, как донесли однажды Джону, по путям прошел товарняк. А потом второй. Что мог везти товарный поезд вдоль границы, где давно уже не было ни заводов, ни более-менее функционирующих предприятий?

В следующий раз Джон отправился к железной дороге сам. И, посидев достаточно в леске у путей, тоже увидел товарный поезд. Причем Фаркаш, у которого отец и дед работали на железной дороге, утверждал: поезд не местного производства. Слишком маленький для здешних товарняков: всего несколько вагонов. Ходил неизвестный состав нерегулярно, и это тоже подсказывало, что ничего хорошего он не везет.

Местные власти на таинственный поезд не обращали внимания. Джона это не удивляло – они и хефашские пикапы со взрывчаткой умудрялись не замечать.

Короля из Джона не вышло, но земли вокруг лагеря он привык считать своей вотчиной. И если официальным властям наплевать, кто и что к ним возит, значит, заняться поездом предстоит ему.

– Я вестернов не смотрел, – сказал он повесившему нос Гранту. – Ее величество не позволяли. Дурное американское влияние, экспансия низкой культуры.

Бойцы, кажется, собрались высказать сочувствие, но тут Маллори сказал:

– Едет.

Капрал всегда все слышал раньше всех, будь то поезд, самолет или очередной отряд гвардейцев. Впрочем, в последнее время гвардейцев за ними почти не посылали. Видно, его величество полностью разочаровался в сыне и не верит, что тот способен хоть как-то угрожать королю.

Замолчали – и через некоторое время дальний стук колес услышали все. Грант и Тейлор отбежали дальше вдоль насыпи.

По мнению Джона, товарняк был самым обыкновенным. Но само его присутствие здесь, неумолимое приближение по чуть гудящим в тишине рельсам наводило тревогу – Джон невольно вспомнил о Хантеровом «призраке». Он суеверно испугался, что состав возьмет и переедет препятствие; может, и вправду нужно было послушать Гранта и взорвать рельсы...

Однако же поезд замедлил ход и остановился, немного не доехав до поваленного дерева. Застыл. Машинист, очевидно, думал, стоит вылезать или нет, и Джон замер в своем укрытии. Наконец дверь тепловоза распахнулась, из кабины выпрыгнули двое и направились к дереву.

Дальше все и впрямь было похоже на вестерн. Джон с Маллори кинулись на них, одного Джон ударил сзади по затылку, другого обезвредил Маллори. Джон обернулся и увидел, как Фаркаш запрыгивает в кабину.

Машинист замычал; Джон перевернул его к себе лицом, как следует приложил о дерево.

– Что везете?

Тот молчал, подбородок у него трясся.

– Что вы, мать твою, везете?

Маллори сказал второму:

– Слышал, что спрашивают? Будешь отвечать?

Тот вдруг залопотал на чужом, смутно знакомом языке.

– Это что, командир? Идиш?

Джон прислушался, уже надевая на машиниста наручники.

– Это немецкий, Мэл.

Пленников оттащили в сторону, примотали на всякий случай к деревьям и оставили под надзором капрала. Джон кивнул Фишеру:

– Так. Осторожно. Мы не знаем, что там внутри. И кто.

– Да гранатой внутрь шибануть, и все дела.

– Мы не знаем, что там, – повторил Джон.

Невдалеке затрещали ветки: вторая группа бежала вдоль поезда.

Фаркаш высунулся из кабины:

– Я двери разблокировал, должны вручную открываться, только проволоку размотайте!

На проволочные закрутки времени ушло немного. Состав стоял подозрительно тихий, и Джону это не нравилось. А нравилась – все больше – идея насчет гранаты. Он потянулся к двери, но Маллори его оттеснил. Надо же, парни до сих пор берегут его, как будто он принц.

– Только ост... – начал Джон, и тут Тейлора отбросило от двери выстрелом.

Джона кто-то оттолкнул, и ребята начали палить внутрь. Когда выстрелы прекратились, Грант заскочил в поезд и скинул на землю тело, одетое в черное; следом передал Джону винтовку.

– Ты смотри, что у него.

– Наша?

– Да нет. Я таких не видел...

Он услышал за спиной скрежет и вовремя развернулся, уже на ходу начиная стрелять, и правильно – в двери следующего вагона оказалась щель, в щель – выставлено дуло.

– Да твою ж! Эй, лови!

Через дверцу в последнем вагоне пытался выбраться еще один охранник. Оказавшийся рядом Фишер выстрелил ему по ногам, но тот удержался, повалившись на поручень, а в следующую секунду Фишер упал. Охранника прошило очередь; он перегнулся через поручень, свалился и замер.

Тейлор, откашлявшись, сел на землю и, держась за грудь, смотрел на все это действо. Про себя Джон благодарил Бога – да нет, советника Маркуса, – что заставил парней надеть бронежилеты.

– Прямо в голову, – растерянно сказал Хантер, опустив автомат и глядя на недвижно лежащего Фишера. – Сволочи.

Только в третьем вагоне обошлось без приключений: там обнаружился еще один парень, совсем молодой, который отбросил оружие и сидел в углу, прикрыв голову.

– Не убивайте, – заскулил он, когда его вытащили на свет божий. – Пожалуйста...

– Не убьем, – пообещал Джон, – если ты нам расскажешь, куда это все везли.

– Взрывчатка, – сказал Тейлор, осмотрев ящики с грузом. – Вот и кинули бы гранату...

Оружия в поезде оказалось... ну если не на полк солдат, то на Джонов отряд – с большим запасом. Больше всего Джона встревожило, что такого оружия он в Гибее раньше не видел. И на той стороне, если подумать, тоже. Он уже давно привык, что крестный, владелец оружейной фирмы, продает винтовки куда ни попадя. Крестный чудом – еще большим, чем сам Джон, – ускользнул от отцовского правосудия. И хотя теперь его фирму национализировали, а сам он залег на дно, вот, пожалуйста – целый поезд.

И не первый.

И наверняка не последний.

Интересно, что на это скажет советник Маркус. Впрочем, уже за то, что он настоял на бронезилетах, Джон ему задолжал.

Если б еще можно было Маркусу доверять... Джон до сих пор не понял, что советник забыл в их отряде.

– Командир! Что делать с поездом?

Хороший вопрос. Будь Джон чуть лучшего мнения о здешних властях, он бы скинул им координаты. Возможно, даже оставил бы немного груза. Потому что их с отцом распря – это одно, а чужие поезда с оружием в землях Гибей – уже совсем другое.

Но здешнее отделение ГСБ годится только зачистки проводить, им Джон и гильзы от патрона не доверил бы, не то что...

– Пока оставим здесь. Под наблюдением. Было бы интересно, конечно, узнать, куда он направлялся...

Оружие разгружали долго; подогнали вторую машину, оставленную далеко, у заброшенной станции. Фишеру Джон закрыл глаза, в которых застыло удивление, и сам отнес его в пикап... Тейлор кряхтел и потирал ребра, но в общем...

В общем, те, в поезде, явно к нападению не готовились. Решили, что могут разъезжать тут, как у себя дома.

Убитых обыскали тщательно, но не нашли при них ничего, что позволило бы узнать, откуда они. Кевларовые куртки с них сняли – пригодятся, а тела закопали в леске недалеко от замершего, расхристанного теперь товарняка.

Последними в машину сажали пленных. Уцелевшего охранника – в один грузовик, немца и машиниста Джон забрал к себе. Он сам сел рядом с немцем, с другой стороны – Грант. Немец то и дело бросал на Джона испуганные взгляды. Хорошо, как раз созрел для разговора, когда доедут. Джона начинало трясти – от облегчения и гнева.

– Командир, – позвал Фаркаш с водительского места, – думаешь, это те же самые?

Джон нервно облизнул губы. Только этого не хватало, но, скорее всего, Фаркаш прав...

Агент

Машина, за которой он гнался, оказалась «хамором» с открытым верхом, так что Агент, ускорившись, зацепился за кузов и дальше ехал с удобством. Машина забиралась все выше по узкой дороге, постоянно поворачивая. От кабины Агента отделяли ящики с грузом – и они же надежно укрывали от чужих глаз. Из-за ветра он не услышал бы, о чем говорят люди в машине, поэтому он вертел головой, запоминая ориентиры – и просто глядя на раскинувшийся внизу мир, заросшие травой и фиолетовыми цветами горы, полоски ручьев тут и там. Он уже немного привык к тому, что все здесь разноцветное.

Он отцепился от машины, когда она стала замедляться, спрыгнул и спрятался в придорожном кустарнике. «Хамор» остановился у блокпоста, очевидно теперь перешедшего в руки Бенджамина – потому что оттуда вышли люди, спросили пароль и пропустили машину дальше.

ДЖОН

Охранялся блокпост из рук вон плохо: Агент проскользнул мимо без всякого труда. Теперь он уже не стал догонять «хамор», а пошел пешком, надеясь, что среди травы и деревьев его яркий наряд не будет слишком заметен. Он хотел сперва провести рекогносцировку, узнать, в лагере ли сейчас Бенджамин, – а потом уже действовать по обстановке. Он думал, что от блокпоста до лагеря будет недалеко, но дорога все тянулась, а лагеря пока видно не было. Агент по-прежнему запоминал ориентиры, чтобы потом передать в Организацию, выдыхал незнакомые, будоражащие запахи – пока не услышал внизу машину.

Беспокойные взгляды немца раздражали. Джон повернулся к нему и спросил:

– Weißt du wer bin ich?¹

Потом он спрашивал себя: отчего парень настолько испугался простого вопроса. Немец забормотал что-то в ответ, но то ли он говорил с акцентом, то ли Джон совсем забыл немецкий – он из всей тирады понял только «верен» и «новый порядок». Пока он силился хоть что-то разобрать, немец, будто на что-то решившись, стиснул челюсти, так что в первый момент Джон решил, что у него судорога. Но тут у немца закатились глаза, он затрясся и затих, и Джон не сразу понял, что смотрит уже на труп.

– Что...

– Цианид, – с досадой сказал Джон. – У этого ублюдка был с собой яд. Что за гребаные шпионские и...

Договорить он не успел, потому что машинист, пользуясь замешательством, ударил Гранта локтями под дых и, перегнувшись через сиденье, попытался стукнуть Фаркаша связанными руками. Фаркаш уклонился, но потерял управление, и их едва не вынесло в придорожные деревья, прикрывавшие обрыв. Сидевший рядом с Фаркашем Тейлор вцепился в руль и вывернул машину; Джон приложил машиниста по голове, распрямился и успел увидеть, как пикап, проламываясь через придорожные заросли, зацепил что-то яркое.

Какого...

Машина наконец встала – слегка набекрень. Грант ухватил пленного и слегка придушил его, пока тот не обмяк и не привалился к трупу.

– Господи, – пробормотал Тейлор, – мы кого-то сбили...

Джон рванул дверцу и выскочил. Услышал сзади визг тормозов другой машины и ругань.

¹ Ты знаешь, кто я? (нем.) – Здесь и далее – примечания автора, если не указано иное.

– Командир, осторожней! – Тейлор выпрыгнул следом, шелкнув затвором автомата. Двое вышли из второго пикапа, тоже с оружием.

Серпантин на этом участке был довольно широким – иначе они давно уже слетели бы с обрыва. Джон медленно шел по зарослям, высматривая среди деревьев, кого они могли сбить.

– Косуля, что ли, – сказал Фаркаш. – Поехали, а?

Джон резко остановился.

За непрочной стенкой из тонких стволов олив был небольшой овраг; со дна оврага на Джона смотрел мальчик. Маленький – лет восьми-девяти, взъерошенный, в куртке, похожей на ту, что сам Джон носил в детстве. Он моргнул. Откуда тут ребенок? Откуда тут вообще чужие?

– Проверьте территорию! – крикнул он своим и позвал пацаненка: – Эй...

Сообразив, что тому должно быть больно, он спрыгнул в овраг.

– Ты живой? Не бойся.

Не похоже было, чтоб ребенок боялся. Он глядел исподлобья и моргал. Джону показалось, что этого мальчишку он прежде где-то видел.

– Очень больно? Встать можешь?

– Могу, – сказал тот.

– Хватайся за меня. Это мы тебя сбили. Что ты вообще тут делал?

Мальчик встал, ухватившись за поданную руку. Джон вытащил его из оврага, увел к обочине, усадил. Велел своим:

– Воды дайте...

Сдернул с ребенка курточку и вздохнул с облегчением, убедившись, что крови нигде нет.

– Тут болит? А тут?

Пацаненок слегка поморщился, когда Джон коснулся его левой голени.

– Ушиб? – Он осторожно ощупал ногу.

– Ничего, – сказал ребенок, все еще неотрывно глядя на Джона.

– Ты откуда здесь взялся, малец? – спросил из-за спины Фаркаш.

– Снизу, – сказал ребенок, облизав губы.

Джону подали бутылку воды, он открыл крышку и сунул мальчику. Тот напился, выдохнул и спросил:

– Вы Джон Бенджамин?

– Положим, я. У тебя ко мне дело?

Мальчик кивнул. К волосам и к воротнику у него пристали травинки.

Джон плюнул.

– Ты смотри, уже детей связными посылают.

– А кого тут посылавать-то?

– А то ты не видел, командир, как хефашки себе фальшивое пузо взрывчаткой набивают.

Время такое...

– А мы, по-твоему, должны быть как хефашки? Думай, что говоришь...

– Я не связной, – сказал ребенок. – Меня Джей-Би зовут... Джей-Би Терах. Мою маму зовут Мира Терах. Вы ее помните?

– Мм?

– Ну да. Она так и говорила. Но у меня от нее письмо.

Он вытащил из кармашка аккуратно сложенный листок и подал Джону. Тот развернул письмо. Красивый округлый почерк, который ровно ничего ему не говорил.

Ваше высочество! Вы вряд ли вспомните меня, но больше мне не к кому обратиться. Мы с вами познакомились, когда вы учились в офицерской школе у нас в Нофе, во время увольнительной. Я влюбилась в вас тогда с первого взгляда, но боюсь, что этой же участи не избежали тысячи девушек Гибей. Вы с удовольствием проводили время со мной и даже ужинали как-то у нас дома (помните, мой отец все критиковал политику короля и я ужасно за него боялась, а вы только поддакивали?). Вы закончили школу и уехали на фронт, а через девять месяцев родился Джей-Би. Он – единственное, что у меня от вас осталось. Семья приняла нас, и я не собиралась требовать ничего от вашего высочества. До войны мы хорошо жили. Но теперь я больна, дома у нас не осталось (живем у соседки), а мои родители убиты. Я очень боюсь за Джей. Если мне удастся выбраться, я порву это письмо, вы никогда обо мне не услышите. Но если я все же умру, я прошу вас: присмотрите за ребенком.

Я думаю, вы сами поймете, что в мальчике течет ваша кровь. Я знаю, что вам сейчас тоже нелегко и что вы вынуждены скрываться, но у Джея больше совсем никого нет, поэтому я прошу вас: присмотрите за ним...

Папаненок глядел упрямо, надув губы, и Джон вдруг ясно понял, где видел его. На собственной детской фотографии.

– Так. – Джон резко встал. – Едем в лагерь, незачем тут сидеть на дороге.

– В лагерь?

– А куда? Дорогу он все равно уже нашел...

Джон хотел было посадить мальчика рядом с собой в машину, но Тейлор остановил его:

– Куда? К мертвецу?

Тьфу ты. Джон передал ребенка Маллори, сам сел на прежнее место.

– Командир, – осторожно позвал его Тейлор. – Это то, что я думаю? Мальчишка-то ваш портрет...

– О господи, – сказал Джон, глядя прямо перед собой. – Господи гребаный боже.

Машина с трудом карабкалась в горы. Недалеко от лагеря они остановились, вытащили беднягу Фишера; Хантер и Тейлор повели пленных вверх по узкой тропинке. Джон осторожно взял ребенка на руки. Один из часовых подошел отогнать и спрятать машину, покосился на мальчика, но ничего не сказал.

Встречал их советник Маркус.

– Ваше высочество. Чем вы нас порадуете?

С «высочеством» советник все-таки сильно переигрывал. Но поделаться с этим Джон ничего не мог – а советник был ему нужен, хоть это и раздражало. Брови Маркуса поползли на лоб, когда он увидел мальчика.

– О, у нас сегодня много поводов для радости. Кроме вот его, – Джон кивнул на ребенка, – мы привезли непонятно чье оружие и труп немецкого шпиона. И Фишера...

Советник сочувственно кивнул.

Джон повысил голос:

– Пленных в яму, пусть посидят. Фишера... подготовьте к похоронам. Там в машине еще одно тело, не закапывайте пока – может, Док что найдет.

Он перевел взгляд на мальчишку.

– А мы, солдат, пойдем в медпункт.

Ребенок поднял на него странно непроницаемые глаза. Джон понятия не имел, как обращаться с детьми. Обычно его общение с младенцами заканчивалось тем, что он брал кого-то из них на руки и целовал перед камерой. Матери млели. Почему-то ему казалось, что мальчишка такого не оценит. Он немного прихрамывал, но в общем выглядел вполне здоровым.

Впрочем, от гнева Дока их обоих это не уберегло. Док сердился – Джону казалось, что это его естественное состояние.

– Ты что мне притащил? – спросил он. – Мы что, начали младенцев в отряд набирать? Так хоть бы подгузники сперва закупили...

– Мы его сбили, – объяснил Джон. – Можешь осмотреть?

– Молодцы, – буркнул Док.

Он всегда разговаривал скандальным тоном, обращался к Джону исключительно на «ты» и от души материл раненых бойцов. Все это ему позволялось, потому что этих самых раненых он и вытаскивал с того света, цепляясь за каждую жизнь зубами и ногтями.

Он усадил мальчика на кушетку. Тот выглядел напряженным – хоть и не напуганным, – но Джон все-таки сказал:

– Не нужно бояться Дока, он злой только с виду, – и положил руку мальчишке на плечо.

Тот не отреагировал. Док стащил с него кроссовки и носки, осторожно прощупал ноги и нахмурился.

– Тут больно?

Мальчик побледнел, но только пожал плечами:

– Так...

– Так? И здесь – так?

Ребенок сжал зубы.

– Так и растак. – Док обернулся к Джону. – У мальчика там, похоже, перелом, а он у тебя скачет.

Стало стыдно. Он ведь осматривал ребенка – и что, не заметил?

– Точно перелом?

– Точно скажу, когда ты мне рентген достанешь. Но похоже.

Джон в детстве сам ломал ногу и теперь вспомнил, какая адская это была боль. Он тогда тоже пытался сдерживать слезы, но выходило не очень. А уж чтоб на эту ногу ступить...

Даже сейчас от воспоминания он поморщился.

Мальчик сказал, будто оправдываясь:

– Я не ожидал, что машину занесет. Не успел сгруппироваться как следует.

– Видали супермена. Сейчас я тебе обезболивающее вколю.

– Не надо, – быстро сказал ребенок. – Мне нельзя. Правда.

Врач неверяще покачал головой:

– Да ты такой же, как вся эта братия. Ногу ломать – пожалуйста, а как задницу уколоть...

Ладно, держи таблетки.

Мальчик послушно выпил лекарство и сидел на кушетке – маленький, нахохленный и отстраненный, – пока доктор накладывал ему шину. Джон обернулся в поисках Ошера или Рейна, кого-нибудь, у кого были дети; но в обозримом пространстве у медпункта никого не увидел, а выходить и оставлять мальчика одного не хотелось.

– Где ты такого взял, командир? – сквозь сигарету пробормотал Док.

Джон облизнул губы.

– Уж ты-то должен знать, откуда дети берутся.

Док замер. Посмотрел на Джона, перевел взгляд на ребенка, потом снова на Джона. Сказал меланхолично:

– Да мать же твою через забор. Ох, черт, малец, прости. Дядя больше не будет выражаться. Ну ладно, хорош, давай остальное посмотрим...

С остальным у мальчика все оказалось в порядке, если не считать ободранного локтя.

– Кстати, – сказал Джон. – Ты случайно не можешь сделать анализ ДНК?

Нелегальный анализ, по законам Гибей, – но что у них тут легально?

– А как же, – ответил Док. – И пересадку мозга. Кое-кому здесь очень надо.

Джон покачал головой и оставил пацаненка под присмотром Дока. Он не знал, что думать об этом, – не знал даже, как начать об этом думать.

Мира Терах... Если очень напрячься – вспоминается такая. Возможно, он действительно гульнул с ней в Нофе во время увольнительной. Но все отпуска того последнего года виделись сейчас как в тумане...

У штабной палатки его поджидал советник Маркус. Может, стоило бы перестать называть его так – они оба давно не при дворе. Но если подумать, именно в таком качестве он у Джона... служил. На миссии его не брали – Маркус был до отвращения гражданским, вдобавок Джон не слишком ему доверял. Но в советах его, в тихих подсказках нуждался все больше.

Он до сих пор не понимал, зачем Маркус пришел к нему. Он появился на базе как-то утром – впрочем, базой это тогда еще не называлось, просто заброшенный дом, уцелевший посреди щебня. Там Джон с ребятами скрывались после побега. Ребята и привели советника под белые рученьки. В джинсах, рубашке и мешковатой куртке, с одним небольшим рюкзаком, Маркус выглядел моложе, чем казался Джону во дворце, – несмотря на виски, тронутые седьмой.

– Ваш отец прогнал меня прочь, ваше высочество, – сказал он.

– За что? – спросил Джон, хотя уже знал ответ.

– За то, что не смог помешать заговору.

– И почему вы пришли сюда? Мне нечего вам дать. Попробуйте найти моего крестного. Он уехал с деньгами, может, и вам что-нибудь перепадет.

– Вам, думаю, мой совет не помешает, ваше высочество, – мягко сказал Маркус. – Да и выбора у меня особо нет. Как и дома. В газетах написали, что взорвался газовый баллон... К счастью, я успел уйти. Я прошу у вас, мой принц, покровительства и защиты.

Джон достаточно слушался крестного и генералов; он поклялся, что никому не даст больше собой вертеть. Первые недели Маркус провел в карантине: у него отобрали телефон, и с ним рядом все время находился кто-то из ребят – следил, чтобы советник не пытался ни с кем связаться.

Потом постепенно он примелькался, и Джон спрашивал его мнения все с меньшей опаской.

Вдобавок советник каким-то образом сохранил придворный лоск – в отличие от Джона. Джон честно мылся и брился каждое утро, своим повелением произвел Рейна в парикмахеры, и тот регулярно делал ему подобие армейской стрижки. Но при всем при этом его легче было принять за полевого командира, чем за принца. Маркус же до сих пор выглядел так, будто на полчаса отлучился из дворца.

Поэтому его стали подсылать к гражданским, когда нужно было договориться о приюте или о закупке провианта. Сперва еще смотрели – не попытается ли он добраться до телефонной будки или интернет-кафе. Потом перестали. А после Джон уже и сам просил его найти в интернете то и это.

Порой Джон тоскливо думал, что если Маркус и шпион, то для них слишком хорош, и единственное, что можно сделать, чтобы не беспокоиться, – убить его.

Рука так и не поднялась.

– Вы расскажете, что случилось, ваше высочество?

Джон уже открыл рот, чтобы созвать общий совет, – но решил, что сперва переговорит с советником сам.

– Этот человек, я так понимаю, отравился?

Джон поежился. Пронеслось детское воспоминание – он смотрит из-за тяжелой шторы, как отец дает одному из министров капсулу с ядом:

– Полагаю, вы предпочтете это публичному разбирательству и позору...

– Спасибо, ваше величество.

Министр берет капсулу, кладет в рот – и тут же начинает хватать ртом воздух, вцепляется в воротник – и падает.

– Уберите, – говорит отец. И смотрит прямо за штору, так что Джон понимает: его заметили.

– Его величество когда-то любил решать проблемы таким способом, – заметил Маркус, будто услышав мысли Джона.

– Вам он яд не предлагал?

Вышло слишком резко. Из-за всей этой авантюры Джон чувствовал себя неоправданно раздраженным.

– Я бы не взял, – мягко улыбнулся Маркус.

– У этого была капсула в зубе. Как у нацистского преступника высокого пошиба. Еще и говорил по-немецки. Что он делал в этом поезде?

Внутри палатки Маллори заканчивал варить кофе на походной плитке. Джон с благодарностью принял у него чашку.

– Мэл. Я оставил ребенка в медпункте. Можешь достать ему поесть?

– Джею?

– М?

– Его зовут Джей-Би, но он предпочитает просто Джей.

– Я помню, как его зовут. – Несмотря на кофе, раздражительность не уменьшилась. – Будь добр, принеси ему обед.

– Есть. – Капрал исчез.

– Джей-Би? – Советник посмотрел вопросительно.

Джон махнул рукой: позже.

– Этот человек. Немец. Он успел сказать что-то про новый порядок. Что это вообще может значить?

Маркус задумался.

– «Новый порядок»... Пойдите. Немец? «Нойе Орднунг»... Я что-то слышал об этом. Кажется, была какая-то секретная организация во время Второй мировой.

– Ну да, – сказал Джон, допив кофе одним глотком. – И парень этот со своим ядом прибыл к нам напрямик из прошлого. А что, я бы не отказался от машины времени. Подумайте еще, советник. А я пока расспрошу наших пленных.

Маркус мягко тронул Джона за рукав, когда тот поднялся.

– Не стоило бы вам заниматься этим самому, ваше высочество.

Они спорили об этом не впервые. На сей раз Джон был слишком раздосадован, чтобы ответить. Он сам выволок молодого охранника из ямы, где гораздо чаще хранили припасы, чем пленных. Протащил его к штабной палатке за воротник.

Не то чтобы Джону нравилось бить связанных. Но по пути к погребу он миновал тело Фишера, бережно уложенное под деревом.

– Не вздумай рыпаться, – сказал он охраннику, швырнув его на пол. – Пристрелю.

Достал из кармана слепленные в столбик монетки, демонстративно сжал в кулаке.

– Это не лейфы, – сообщил он парню. – Хефашские деньги. Здесь их не потратишь. А вот для допроса они вполне годятся. Кто тебя нанял?

Охранник запираться не стал, но и знал ничтожно мало. Его наняли в Нофе, чтобы сопровождать груз. Какой груз – не сказали, но велели, чтоб не задавал вопросов. Заплатили в лейфах. Он успел сделать с поездом три ходки – третья оказалась последней. Немец всегда присутствовал, но его мало кто понимал.

– Где разгружались? – спросил Джон. – Пункт назначения?

У парня дрожали губы.

– В Лидии. В депо. Дальше не знаю. Нас разворачивали, и все. За новым грузом.

В Лидии... Что там может быть, кроме разбомбленного завода и опустевшего города?

Машинист заперся дольше. Видно, он уже уверился, что не уйдет живым. Пришлось звать на подмогу Гранта. Но когда они возили машиниста по полу, Джон вспомнил почему-то взгляд ребенка и почувствовал ясный укол совести.

Агент

Док, уложив Агента на кушетку в углу медпункта, больше не обращал на него внимания. Только сунул ему старый планшет с игрушкой – летающими шариками. В лаборатории Агент занимался с такими симуляторами на куда большей скорости, поэтому тыкал в кнопки для вида, а сам прислушивался и присматривался.

У Бенджамина оказался большой лагерь. Только пока они шли к медпункту, Агент успел насчитать вокруг человек тридцать личного состава. Он прикинул и примерное расположение лагеря. По крайней мере, где находится штабная палатка, он теперь знал.

– Прошло у тебя немного? – спросил Док. – Сейчас ребята поесть принесут.

– Спасибо.

Правда, поднос с едой принесли не «ребята», а немолодой человек, мало походивший на бойца. Гораздо больше он напоминал приезжавших иногда на базу гостей – тех, что куратор называл «большими шишками».

– Меня зовут Маркус, – сказал он. – Я принес обед. Вернее, что от него осталось, не обессудь. А тебя как зовут?

– Джей-Би.

Агент смотрел на поднос с опаской. Его начинали кормить гражданской едой за пару недель перед миссией, но все-таки он куда больше привык к коктейлям и таблеткам.

– Джей-Би – это ведь сокращение? – мягко спросил Маркус. Поставил поднос рядом с Агентом и сел на соседнюю кушетку. Уходить он явно не собирался, а собирался, судя по всему, допрашивать.

– Не знаю, – пожал плечами Агент. Он взял с подноса большое красное яблоко, но укусить не решался.

Джей-Би, конечно же, было сокращением. Полностью – Джей-Би-14. От «Junge Beschützer» – юный защитник. По-немецки – потому что проект называл доктор Вернер. Да и сам «Новый порядок» родом из Германии. И Война тоже придумали немцы.

Там, на дороге, Агент растерялся. Конечно, он знал, что Бенджамин будет похож на Война – иначе как бы Агент мог сойти за его сына? Просто не ожидал, что настолько. Как будто Война на постере в его комнате взял и сошел с бумаги – как Агент мечтал когда-то в детстве. Поэтому он так разозлился из-за сломанной ноги. Надо же так плохо сгруппироваться. Стыдно.

Правда, Двенадцатый рассказывал, что на самом деле такие же инициалы были у военнопленного, из которого сделали Война. Но Двенадцатый много чего рассказывал...

– Мама всегда говорила просто Джей-Би. Или Джей.

– Где твоя мама?

– Умерла, – сказал Агент. Эту легенду они с дядь Васей повторяли раз сто. – Сначала дедушку с бабушкой при бомбежке убило. А потом мама заболела. А больницу у нас закрыли из-за войны. Мы у соседки жили. А когда мама умерла, соседкин муж меня выгнал.

Человек покивал.

– Это мама тебе сказала, где найти Джона?

– Нет, конечно. Откуда она знает. Она болела все время.

– Как же ты нас отыскал?

Говори правду, пока можешь, учил куратор. Чем больше в твоей истории правды, тем труднее различить ложь.

Он откусил кусочек яблока и едва не отвлекся от разговора – яблоко оказалось сладкое, чуть не вкуснее мороженого.

– Мама сказала, что мой папа – Джон Бенджамин. Все знают, кто он такой. Ну... тут все знают. Я ходил по городу, слушал. Одна тетя в городе мне дала мороженого бесплатно. А

потом стала говорить с другой, у которой магазин. Я ей помог сумку донести. А там ваши за грузом пришли. Я зацепился за машину и поехал.

– Вот как. А почему ты решил, что это наши?

Агент все-таки позволил себе фыркнуть.

– Я что, дурак? Пришли люди, взяли ящики с консервами, повезли в горы.

– Погано у нас с секретностью-то, советник, – сказал Док. Он что-то вертел из блестящих разноцветных трубок. – Если уж пацан нас нашел без труда. А яблоко на десерт было, к твоему сведению. Давай бери ложку и жри пюре. Ты что, стряпни нашей боишься? Это я тебя понимаю. Но картошку трудно испортить. Советник, вы б дали мальцу пузо набить, а потом уже разговоры разговаривали.

«Советник» и вправду больше подходило этому человеку, чем «Маркус». Его пронизывающий взгляд Агенту не нравился.

– Ты кому-нибудь говорил про нас? Или про папу?

– Я что, дурак?

Агент попробовал есть пюре; оно было безвкусным и немного походило на протеиновые коктейли, и это успокаивало. Недалеко кому-то проводили коррекцию. Или допрашивали. Но прислушаться не получалось из-за советника. Он был явно из тех, с кем нельзя терять бдительность.

– А где... папа? – спросил Агент, вытирая губы.

Маркус тоже прислушался и нахмурился.

- Хороший вопрос. Пожалуй, я пойду его приведу. Приятного аппетита.
- Спасибо, – сказал Агент, глядя ему в спину и думая, не устранить ли его.

Тот ушел надолго. Пока Агент потихоньку доедал пюре, в медпункт то и дело заходили бойцы – один за другим по каким-то пустячным поводам, пока Док не пригрозил, что следующему, кто сунется без дела, он отрежет... гланды.

О дисциплине тут, похоже, вообще не слышали. Задание – собрать информацию и ликвидировать Бенджамин – казалось все легче и легче. Зря куратор боялся, что он не справится.

- Но ведь похож, зараза! – сказал кто-то за палаткой.

– Ты у нас теперь звезда, – вздохнул Док. Агент невольно засмотрелся на его пальцы, ловко крутившие прозрачные штуки. – В туалет тебе надо?

Он собирался ответить, но тут в палатку зашел Бенджамин. Он него несло темной, яростной энергией – как от агента Бернса, когда тот проводил коррекцию. Агент заставил себя не бояться. Еще не хватало – испугаться собственной цели. Он распрямил плечи, посмотрел на Бенджамин в упор. И тут что-то случилось. Объект как-то обмяк, взгляд изменился. От ярости не осталось следа.

- Ты... как тут? – спросил он неловко.

- Я поел, – доложил Агент. – Спасибо.

- Если хочешь, чтоб я твоего жмурика препарировал, убери отсюда ребенка, – сказал Док. Бенджамин закивал:

- Хорошо. Я его возьму к себе в палатку.

– В сортир занеси по пути. Я потом к тебе кого-нибудь с уткой отправлю. На вот, малец, держи.

Док протянул ему ту самую штуку из трубок: теперь это было пластиковое нечто – морда, туловище, руки-ноги и пушистый хвост.

- Что, никогда не видел чертика из капельниц? Это тебе.

Агент глядел не понимая. Ему сделали игрушку, как в обучающих видео. Как будто он был настоящим ребенком. Значит, Док поверил в его легенду. И объект, наверное, тоже. Он стиснул чертика в руке.

- Что надо сказать?

- Спасибо, – быстро ответил Агент.

Он заберет игрушку обратно на базу – как трофей.

Может, куратор в этот раз скажет, что он молодец.

ДЖОН

Он осторожно взял ребенка на руки, стараясь не касаться больной ноги. Раздражение ушло, оставив место полной беспомощности. Непонятных торговцев оружием можно хотя бы попытаться вычислить – а потом устранить. Что делать с мальчиком, Джон не знал абсолютно. Когда он вошел в медпункт, ребенок распрямил плечи, несмотря на боль. Так знакомо. Джон когда-то тоже вытягивался во фрунт, стоило отцу появиться в комнате.

Он донес мальчика до вырытых ям в стороне от лагеря.

– Давай. Я тебя держать буду, а ты делай, что тебе надо. Смотреть не стану, не беспокойся.

Он держал мальчишку на весу; тот умудрился в таком положении расстегнуть шортики и зажурчал. Джон был благодарен Доку – сам бы мог и не сообразить, что пацану нужно в туалет. Тот был на удивление миниатюрным, хотя через майку прощупывались мускулы.

В своей палатке Джон усадил мальчика на койку.

Ребенок смотрелся настолько чуждо – здесь, на походной койке, в этом лагере, полном людей, привыкших убивать. Он сел на кровати, подтянув к себе здоровое колено и обхватив руками. Маленький. Потерянный.

– Мама давно умерла? – тихо спросил Джон.

Ребенок поднял глаза, будто его застали врасплох.

– В прошлом месяце.

– Так и бродил?

– Нет. Я жил у соседки. А потом ее муж меня выгнал.

Джон перевел взгляд на маленький рюкзак.

– У тебя запасная одежда есть?

– Дождевик только, – сказал ребенок. – У меня зубная щетка в рюкзаке.

– Просто прекрасно, – сказал Джон. Ладно, все равно им придется, похоже, спустаться в город... Он присел рядом. – Тебя на дороге никто не останавливал?

– Кто? На блокпосту? Там бы рота прошла, не то что я. Часовые у вас профнепригодны.

Джон покачал головой, пытаясь вспомнить, знал ли он в свои девять лет слово «профнепригодны». Впрочем, он тоже был маленьким умником – отец любил хвастаться им перед министрами.

Но сплеховать часовые и правда сплеховали. Джон отозвал их с поста. Посидят немного в яме, может, станут внимательнее.

Он снял с кровати одеяло, надеясь, что оно не слишком колючее, и укрыл ребенка. Ему пришло в голову, что надо бы поставить вторую кровать – когда он вернется, будет уже ночь, ночью детям полагается спать.

– Мне нужно уйти, – сказал он, когда все было готово. – Ты не испугаешься тут один? Я оставлю свет.

– Я не испугаюсь, – ровно ответил мальчик.

Если бы можно было потрясти его, спрашивая: «Ты действительно мой сын?» Но ему-то откуда знать.

Сын. Дичь какая. Джон словно наяву услышал голос короля:

«Не смейся. Отец из тебя получится такой же, как и король. То есть никакой».

– В лагере полно охраны, так что на самом деле ты не один. – Ему казалось, что говорит он донельзя фальшиво и ребенок это слышит. – И потом, у тебя ведь есть чертик. Как ты его назовешь?

– Не знаю, – сказал Джей.

Если он и в самом деле пережил бомбардировки в Нофе и потерял всех... нужна ему твоя игрушка. Снова вернулась вина за собственную привилегированность, которую он часто испытывал с тех пор, как обосновался здесь. Папочкин принц.

Он сам принес и поставил под кроватью утку из медсанчасти, ухватил на кухне яблоко и пакет сока.

– Очень болит? Лекарство еще выпьешь?

– Нет, спасибо. Не болит, если не ходить.

В его вежливости было что-то странное.

– Я поставил Маллори охранять тебя. Будет что-то нужно – кричи.

Джон вышел из палатки, некстати вспомнив, как отец вот так же уходил из его спальни, всякий раз спеша то на совет, то на прием, как бы Джон его ни уговаривал посидеть рядом.

В штабной палатке его уже ждали – Маркус, Грант и Тейлор с перебинтованными ребрами.

– Фаркаш на обходе, – доложил он, держась за грудь. – Док еще копается.

– Ладно, – сказал Джон. – Грант посвятил вас в детали? Кто-нибудь уже понял, почему Лидия? Что там такое?

– Разве что завод. – Тейлор пожал плечами и поморщился.

– Верно. Завод Уоллера.

Маркус по старой привычке, оставшейся с Войны за объединение, когда всех приучали к бдительности, назвал старый авиационный завод по имени директора. Но нужда в этой бдительности давно отпала: завод разбомбили хефаши, а что уцелело – давно растащили местные.

– Да зачем им...

Джон осекся. Если уж починили рельсы – почему не отремонтировать несколько цехов завода на вчерашней нейтральной территории, куда до сих пор никто здравомыслящий не сунется?

И если все-таки допустить, что Тейлор прав и это – те самые люди?

В прошлый раз оружие везли в грузовике, и тогда они решили, что это еще одна поставка от крестного благодарным хефашским братьям. Охрану они расстреляли, а шоферу удалось сбежать. Тогда Джон по этому поводу не расстраивался. Вряд ли водитель пожаловался бы в полицию, зато хозяева его получили ясное сообщение: по землям Бенджамина с таким грузом лучше не ездить.

А потом...

Джон нервно облизал губы. Тогда он не связал эти два события вместе – видит бог, это была не первая машина с оружием, что они перехватили. И не первые посланцы от невесты какой по счету ненавидящей короля партии, с которыми он встречался в темном, пропахшем пивом баре. Доколе же законный принц, надежда Гибей, станет терпеть на троне безумца и тирана? Не пора ли сбросить иго и так далее и тому подобное.

Те показались ему немного другими. Без выпяченного слога, обычного для оппозиционных группок, у которых, кроме слога, ничего и не было.

Они вели себя по-другому: уверенно, как люди, которым есть на что опереться. И опора эта, скорее всего, лежит в швейцарском банке.

– В Гибее необходимо восстановить порядок. Но настоящий порядок приходит, к сожалению, только через хаос и боль. Вы, ваше высочество, сейчас одна из ключевых фигур, которая поддерживает хаос в стране. Но вместе с нами вы могли бы навести порядок.

– Хаос! – ругался он потом, уже на базе. – Мы, по их мнению, элемент хаоса!

– Ну, в какой-то степени, ваше высочество, он не так уж и ошибается, – осторожно проговорил Маркус. – Бросив вызов вашему отцу...

Но Тейлор прервал его:

– Командир прав. Без нас хаоса тут было бы гораздо больше. Мы его хоть как-то сдерживаем.

Ну, по крайней мере, *пытались* сдерживать. После очередного перемирия с Хефасом приграничные области стали раем для не доехавших до дома солдат, мелких и крупных наркобаронов и продавцов оружия. В первые дни Джону с его компанией было не до порядка – к стыду принца, к наркобаронам им приходилось наниматься в охрану, чтобы не умереть с голода. Но потихоньку они примелькались, стали обрастать оружием, бойцами, в том числе и болтавшимися без дела военными – вернее, теми из них, кто предпочел обычному мародерству членство в «банде Бенджамина». Он прекрасно понимал, что горный отряд – не королевская гвардия, так что правил было мало. Не трогать гражданских, не колоться, не пить на посту. В основном те, кого брали в отряд, справлялись – только одного Джону пришлось пристрелить, когда тот, накурившись отчаянной дряни, стал посреди ночи размахивать в лагере пистолетом. Остальным, чтобы охолонуть, обычно хватало усиленной физподготовки или отсидки в яме для продуктов, которая здесь заменяла гауптвахту.

Постепенно они стали выживать со своей территории мелких бандитов, мародеров и не слишком крупных торговцев – без зазрения совести конфискуя у них оружие и деньги. С главным местным доном они до сих пор были на «вы», но умудрились и с ним добиться кое-какого равновесия.

Так что на «хаос» Джон обиделся и не досидел тогда до конца беседы – уверенность его собеседников стала сильно напоминать апломб собственного крестного. Генерал Декель считал, что владеет миром, – потому что владел оружейной монополией в Гибее. Даже очевидное поражение в перевороте не поколебало этой уверенности. Джон видел его глаза перед тем, как тот сбежал.

Он надеялся, что крестному, где бы он ни был, сейчас славно икается.

Он отправил одного из новых бойцов проследить за «доброжелателями». Бедняга так и не вернулся. В газетах написали, что очередного террориста застрелили при задержании. А те любители порядка испарились, как не было.

А если предположить, что и железная дорога, и поезд на ней – их рук дело?

Джон уже понимал, что сделал глупость. Следовало приставить машинисту пистолет к виску и велеть гнать прямо к месту назначения. И там, на месте уже – разбираться, что это за люди. А они набросились на оружие, как младенец на игрушки. А теперь поздно...

– Но почему не самолет? Почему поезд? Казалось бы – бери частный джет, грузи и лети...

– У поезда есть преимущество, – сказал советник Маркус. – Его не видно на радарх.

Ну да; воздушное пространство над границей все-таки охраняется лучше. А вот товарняк на путях, которые управлением ГЖД давно списаны? Работай нормально железнодорожная служба, не прошел бы, конечно, и товарняк. Но в этом проклятом краю после войны ничего как следует не восстановили.

– А может, везут негабаритный груз, – вставил Грант.

И оружие – часть груза, если представить, что они заново осваивают «завод Уоллера»...

– Это что же получается? Кто-то обустроивает цеха в Лидии у нас под носом, не сказавшись баро Иессею?

– Можно сообщить куда следует. Пусть ГСБ с этим разбирается.

На Маркуса покосились с недовольством.

– Нет уж, – решительно сказал Джон. – Разбираться будем сами. Я предлагаю навестить завод. Хотя бы сходить на разведку, раз уж мы не подумали приехать с музыкой...

– Его высочество, полагаю, хочет сам возглавить разведку? – будто между прочим осведомился Маркус. Какое уж там высочество... Но Маркус – как и Тейлор, как и прочие – продолжал считать, что Джон не обычный преступник, которого до сих пор не поймали только

потому, что не слишком усердно за ним охотились, не один из «горных братьев», которых хватало по обе стороны границы, – а принц.

Он сперва возражал, потом стал подыгрывать. Потому что даже если сам он не надеялся когда-нибудь вернуться ко двору, его ребятам нужно было знание, что они – не кучка дезертиров, а гвардия отвергнутого принца, который рано или поздно займет трон.

Джон даже сделал это своей обязанностью – поддерживать веру в их легитимность, в собственную избранность, в справедливость, в конце концов, хотя самому они казались дешевыми иллюзиями.

– Его высочество подумает, – сказал он.

В этот момент в палатку ввалился Фаркаш, запыхавшись, – он явно боялся что-то пропустить. Спустя полминуты вошел и Док, раздраженно вытирая руки.

– Кофе мне будет? – спросил он.

Джон, оказавшийся ближе всех к термосу, налил и протянул ему кружку.

– Так вот про жмурика, – сказал Док, хлебнув. – Из меня сами знаете какой патологоанатом. Тем более я не думаю, что вас интересует, когда он в последний раз жрал и что именно. А что отравился он цианидом, так тут вон даже высочество раньше меня догадалось.

– Ты одежду проверил? – Джон подумал и выплеснул остатки кофе себе в кружку. Он был чересчур горячим и терпким, потому что подогревался уже не в первый раз.

– Проверил. Следилок нет. Трубу его вы куда дели?

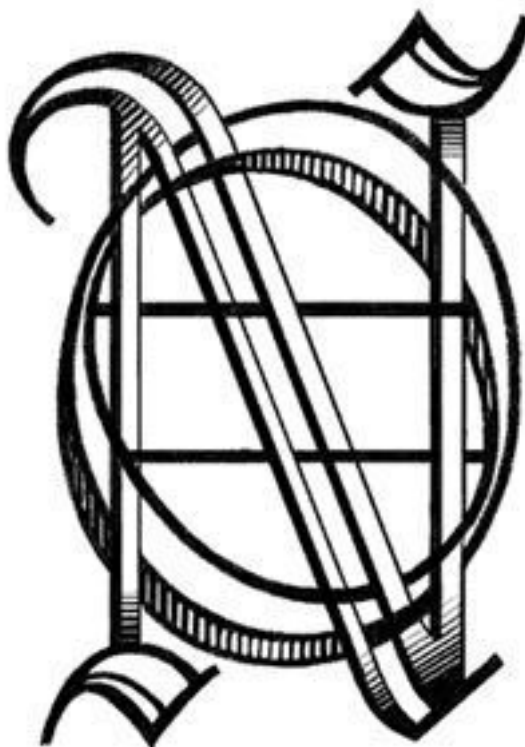
– Оставили в поезде, вдруг кто звонить будет – ребята отзовутся.

– Ну слава бабочкам. Он чистый. Нормальный вес. Белоручка, ногти целые, маникюр. Если кто и таскал оружие в поезд, то не он. Судя по туфлям и по ногам, он больше времени сидел в офисе, чем бегал. Это не кофе, а гребаный гудрон, как вы это пьете.

От кофе и правда пахло горячим асфальтом.

– А еще у него наколка. Вот здесь. – Док хлопнул себя по плечу и тут же сплюнул и постучал по дереву. – Похоже на эмблему. Я сфотографировал.

Джону как командиру первому подсунули телефон под нос. На плече у покойника были вытатуированы буквы. Одна в другой: будто и вправду эмблема. Сперва он решил, что это старый язык, но тут же понял – нет.

– Готический шрифт. Вот это «О», а вот это, похоже, «Н»...

Что он сказал перед тем, как принять яд?

– Нойе Орднунг, – вслух повторил Джон.

– Что?

– Новый порядок, – перевел советник.

– Это какое-то тайное общество, – оживился Фаркаш. – Новая мафия. Вот баро Иессей повеселится...

– Молодежь, – презрительно сказал Док, хотя был старше Фаркаша всего на год. – Все бы вам романтизировать. Вы сюда еще масонов приплетите. Иллюминатов.

Может, иллюминаты и ни при чем, но Джона не покидало чувство, что они столкнулись с чем-то куда более серьезным, чем молодчики Иессея. Он позвонил ребятам, которых оставил около поезда: все спокойно, на связь никто не выходил.

– Ладно, – сказал Док, – может, поговорим о слоне в комнате? Я про твоего ребенка, Джон.

Странно это прозвучало: «твой ребенок».

– Откуда же мне знать, что он мой, – со странной неловкостью проговорил Джон.

– Ну да, – фыркнул Тейлор, с которым они когда-то вместе ходили в увольнительные, – его высочество себя не берег, я-то помню...

– Ты тоже не отдыхал.

– Ну, я-то подбирал остаточки.

– Джей-Би, – сказал Док. – Сентиментально, а?

– Да какого!.. – разозлился Джон. Ему не хотелось думать о мальчишке. Как будто других забот не хватало. – Я тогда много пил, вот Тейлор подтвердит. Может, я с ней и спал. Может, я сделал ей ребенка. А может, она просто хотела обеспечить сыну будущее. Можно подумать, она первая такое заявила... – Он криво улыбнулся. – В любом случае какой из меня отец?

– Дурное дело, – начал Док, но под взглядом Маркуса примолк.

– Документы, – сказал советник. – У ребенка должно остаться хотя бы свидетельство о рождении. Если мать успела позаботиться о письме, она должна была положить документы.

– Я спрошу у него. Посмотрю в рюкзаке. Давайте пока вернемся к нашему... немецкому генералу.

– Не был он генералом, – сказал Док. – Такого искривления позвоночника при военной выправке не бывает.

Ничего не сходилось. Пусть не генерал, но явно какой-то чин – не будет же обычный бандит, да пусть хоть и иллюминат, носить с собой ампулу цианида?

Он вдруг обнаружил, что уже несколько минут кружит вокруг стола. Ребята не обращали внимания, видно, привыкли к его манере думать.

– Зачем ему было принимать яд?

– Испугался. – Тейлор попытался пожать плечами, охнул и извиняющимся жестом погладил ребра.

– Кого? Меня? Но с чего бы?

Вернее, с чего бы – так?

– Что ты ему сказал, командир? Там, в машине? – спросил Грант.

Джон остановился.

– Только спросил, знает ли он меня...

Их прервал дневальный:

– Сэр. Мы все подготовили. Скоро закат...

Верно; на закате не хоронят.

– Идемте.

Агент

Оставшись один, Агент снова разозлился на себя за то, что не сумел нормально сгруппироваться. Заработал перелом, как ребенок. Но палатку все равно нельзя было сейчас обыскать, пользуясь отсутствием командира, – у входа поставили часового, и тот через освещенные стены наверняка увидит его силуэт. Так что пока оставалось ждать. Он попытался прислушаться к тому, о чем говорили на собрании, но не смог разобрать слов: слишком далеко.

Он вздохнул и поудобнее устроился на кровати. Взял в руки странного трубочного чертика. Может, это следилка? Но ведь Док делал игрушку у него на глазах...

У чертика была ехидная морда, почему-то напоминавшая Бернса.

Агент тихо захихикал:

– Агент Бернс, вы не выполнили задание. Вы заслужили коррекцию.

Он потянул игрушку за прозрачную лапу, растягивая ее до предела, так, чтобы точно стало больно; но, когда пластик уже готов был порваться, отпустил. Притворяться стало неинтересно; на самом деле черт совсем не похож на Бернса и коррекции не заслужил.

– Я тебя переназову, – пообещал он чертику шепотом – чтобы, если его прослушивают, никто не узнал, что он разговаривает с игрушками.

На всякий случай он спрятал подарок под подушкой. И вспомнил о конфетах, которые дала ему женщина в магазине. Осторожно извлек их из карманов шорт и принялся изучать. Не считая большого красного леденца, который Агент спрятал в рюкзак, конфет оказалось пять: две в фантике с изображенным на нем апельсином, еще три – в темной гладкой бумажке с нарисованной коровой. Агент долго перебирал их, потом развернул одну с апельсином. Апельсины пару раз покупал ему дядь Вася, говоря, что в них витамины. Может, и мозги от таких склеиваются не сильно.

Он развернул конфету и сунул в рот; по языку расплылась сладость с кислинкой, ничем не хуже мороженого. Отогнал мысль о том, что лакомства не заслужил, закрыл глаза и прислушался.

Когда леденец полностью рассосался, Агент облизал губы и стал осматривать палатку. Не слишком просторная – хотя, если убрать вторую походную кровать, места достаточно для одного. Напротив кровати стоял раскладной стол с двумя стульями, маленький несгораемый шкаф (вот его нужно будет осмотреть), странная тряпочная этажерка с одеждой и обувью. Агент почему-то думал, что жилище принца должно быть побогаче. Как-то раз на задании в Саудовской Аравии дядь Вася показывал ему дворцы, где жили король, его братья и сыновья. Агент тогда во все глаза разглядывал дворцы и небоскребы. Но в гостинице куратор сказал ему:

– Эти люди думают, что владеют миром. Но на самом деле ты сильнее их. Потому что ты – боец Организации, и, если Организации понадобится их жизнь, ты придешь и возьмешь ее. И против тебя, если ты хорошо обучишься, все их богатство будет бессильно.

Агент тогда решил тренироваться усерднее, он сделал тем вечером лишних три круга по парку и хотел больше проплыть и в бассейне – но дядь Вася ему не дал и отчитал, что он зря привлекает внимание.

Агент представил себе золоченую палатку с расписным минаретом и захихикал.

Внезапно снаружи кто-то запел. Агент вслушался в слова:

*«Чем одарить мне тебя, дитя?
Как ты быстро, мальши, возмужал...
Чем же теперь одарить тебя?» —
Ангел Божий опять вопрошал².*

Это было странно. В лаборатории никто не пел, и он не думал, что в военном лагере кто-то будет таким заниматься.

*«Дал тебе я все то, что способен был дать:
Острый взор, и улыбку, и легкость, и прыть,
Сердце чуткое, душу, и голос, и стать...
Чем еще мне тебя, о дитя, одарить?»*

Пока он думал о том, что это может значить, стемнело. Бенджамин все не возвращался. Агент попытался проанализировать ту информацию, которую получил, но пока ее было слишком мало. Песня смолкла, голоса затихли. За стенами палатки топтался и покашливал часовой, и этот звук успокаивал. Но были и другие звуки, непривычные. Их не получалось идентифицировать. Что-то ухало совсем рядом. В траве и деревьях тревожно гудел ветер. Агент подумал, что нужно попросить куратора научить его различать птичьи крики. Дядь Вася давно уже обещал.

Прежде ему ни разу не случалось ходить на задание одному. Тем более – на долгую миссию. С куратором он был в четырех, но, даже когда им пришлось просидеть ночь в холодном порту под перевернутой лодкой, дядь Вася был рядом. С ним было привычнее.

Агент разозлился на себя за упадочи... упадочи-ческие мысли. Опять дисфункция. Еще не хватало, чтобы куратор об этом узнал. По возвращении в любом случае придется все записать в дневник.

В лаборатории он любил это время – час перед сном после ужина. Раньше, когда остальные эксперименты еще не завершили, ему позволялось проводить этот час в общей комнате. Давно, когда Агент был маленьким. Потом он привык валяться у себя на тахте под портретом Воина, читать книги, заполнять дневник или смотреть обучающие фильмы. Даже если

² Здесь и далее цитируются отрывки из песни «Ma Avarech» (слова Р. Шапиро, музыка Я. Розенблюма) в переводе Н. Гуринович.

днем ему случалось схлопотать коррекцию, к вечеру боль уже проходила, разве что чесалось немного. Лаборатория постепенно пустела, наполняясь успокаивающим попискиванием приборов, поставленных в ночной режим, до Агента доносились голоса работников, желавших друг другу доброй ночи. Почти все они жили рядом, в общежитии, но кто-то на ночь уезжал домой, и Агент пытался представить себе – как это, чтоб дом был не в лаборатории. И когда свет выключали, он все равно не чувствовал себя одиноко и, засыпая, глядел на красный огонек камеры под потолком.

Здесь свет вовремя не выключали, и заснуть не выходило, хотя лампочка горела неярко. Агент повертелся и стал рассматривать книги, сложенные у кровати. «Справочник по тыловому обеспечению» – интересно, можно посмотреть. «Теневые игры: коррупция в армии Гибей». «Искусство партизанской войны в городских условиях» – а эту Агент знал, и «Государя» тоже. Странно было представить, что он и его задание читали одно и то же. Последним в стопке был потрепанный томик с чернокожим ребенком, изображенным на обложке. «Книга джунглей». Агент уже читал про тактику боя в джунглях, но обложка его заинтересовала, так что он раскрыл книжку.

В Сионийских горах наступил очень жаркий вечер. Отец Волк проснулся после дневного отдыха, зевнул, почесался и одну за другой вытянул свои передние лапы, чтобы прогнать из них остаток тяжести...³

Чем дальше он читал, тем становилось страннее. Волки и шакалы в этой книге почему-то разговаривали. В лаборатории он иногда подслушивал, как взрослые обсуждали опыты над животными. Кто-то однажды сказал, что и животное, если провести над ним необходимые операции, может работать на Организацию.

Может, книжка про зверей-мутантов, которых выводят тут, на тайной базе в лесу, и которые умеют говорить? У Агента по спине пробежал холодок. Вот если бы принести в лабораторию такую информацию... Но ведь он зубрил географию Гибей перед миссией: тут нет никаких джунглей. Ребенок, пришедший к волкам, тоже наверняка станет воином – и все-таки Агент никак не мог понять: где такое может происходить или – когда происходило? Может, в Организации об этом знают – взрослые знают много вещей, которых ему не рассказывают, и подслушать выходит не всегда. Если бы вентиляционный люк чаще был открыт, Агент уже наверняка бы знал все, о чем говорят в лаборатории, – но его забыли закрыть только в тот вечер, а до этого такого не случалось...

Он прочел еще несколько страниц, прежде чем до него дошло: это все не настоящее. Это одна из тех книжек, которые дети читали в обучающих видео. Дурацкие истории, которых на самом деле не было, – одним словом, деза.

Он так на себя разозлился, что едва не отбросил книжку. Но Агент не имеет права на эмоции. Поэтому дурацкая сказка так и лежала у него на коленях, когда вошел стороживший его человек со стаканом молока и печеньем. Маллори.

– Десятый час, – сказал он. – Командир сидит с Фишером. А тебе, наверное, спать пора. Поешь вот, и я выключу свет. Фонарик оставляю, чтобы не было страшно.

Интересно, это он так Агента проверяет? Какой еще фонарик?

– Я не боюсь темноты.

Тот не смутился. Поставил поднос на пол рядом с кроватью, увидел обложку с ребенком.

– Ух ты, «Книга джунглей». Я ее обожаю, когда был маленьким.

– Это сказка?

– Очень хорошая сказка. Ты не читал?

Маллори присел на кровать рядом, взял у Агента книжку, пролистал.

³ Фрагмент из сказки Редьярда Киплинга «Братья Маугли», входящей в сборник «Книга джунглей», в переводе Е. М. Чистяковой-Вэр. Далее цитируется этот же текст. – *Прим. ред.*

– Ты вот что, – сказал он. – На командира не дуйся. Он ведь не знал, что ты у него есть. А знал бы – пришел бы раньше. Даже если б и не смог тебя забрать во дворец, все равно бы приходил. У меня мамка так же – как ни спрошу, где отец, всегда злилась. Нет его, и все, и не было. Я так думаю, она и ему не сказала. А если б он знал, где нас найти, так и нашел бы. Может, он старенький уже, ему помощь нужна – забор там поставить, крышу починить, не знаю. Я бы не отказал. А она все молчала...

Агент не понимал, зачем Маллори делится этой информацией, но на всякий случай запомнил. «Всякая безотцовщина», – всплыло в памяти выражение куратора.

Маллори хлопнул себя по коленям.

– Ладно. Чего я тебя такими разговорами... Давай пей и на боковую.

– Я не люблю молоко.

Его учили: нужно говорить «я не люблю» или «я не пью», а не «организм не усваивает». И что такое боковая? Агент думал, что будет спать на этой кровати...

– Ну хорошо. – Маллори погасил верхний свет и, как обещал, зажег фонарик. – Бери тогда печенье, ешь и читай.

Уже выходя, он спросил:

– Он и правда твой папка?

– Я не знаю. Так мама сказала.

– Ну раз мама сказала, так оно и есть...

Маллори закрыл полог, но, как ни надеялся Агент, от палатки не отошел. Агент лежал тихо, тупо светя фонариком в темноту и ругая себя: два прокола за один день. Вот тебе и первая самостоятельная миссия. Ему хотелось узнать, что случилось дальше с мальчиком у волков (воином, он наверняка станет воином), но Агент был не гражданский – сказки читать.

Еще не хватало. Он погасил фонарик. Агент умел отключаться от боли, но ночью это было труднее всего, нога не переставала ныть. Через какое-то время полог раздвинулся; сквозь прикрытые веки он следил за тем, как Бенджамин зашел и опустился на свою кровать. Поворочался, потом в темноте вспыхнул огонек сигареты, но Бенджамин тут же выругался и ее затушил.

– Не спишь? – спросил он шепотом.

– Не могу заснуть, – соврал Агент.

– Я тоже. Отнести тебя кое-куда?

Он не понял.

– Куда?

– В туалет.

Агент помотал головой.

– Ладно. Я пойду покурить. Хочешь со мной?

– Ага, – сказал Агент и выбрался из-под одеяла.

Бенджамин собрался было подхватить его под мышки, но опять выругался и пошел к тряпичному шкафу. Вынул оттуда камуфляжную куртку и закутал в нее Агента. Так и вынес наружу, в тихий темный лагерь. Небо тут было низкое, и луна светила ярко. Джон усадил Агента на широкий камень недалеко от палатки. Куртка была большая, теплая и пахла куревом. Бенджамин сел рядом, достал из кармана мятую пачку сигарет. В сумерках он еще больше походил на Воина, и Агент опять вспомнил о своей детской мечте: когда-то он представлял себе, что тот явится за ним вот так же, ночью, и они вместе уйдут из лаборатории, и Воин будет брать его с собой на миссии, и никогда больше не придется ходить на процедуры...

Бенджамин отсел чуть подальше, стараясь, чтобы дым не попадал Агенту в лицо. Вряд ли он вытянул его на прогулку просто так, скорее всего – решил допросить.

Так и оказалось.

– Ты что же, так и ушел из дома, без теплых вещей?

При средних температурах в Гибее теплые вещи Агенту не понадобились бы, но он понимал – этого говорить не надо.

– Я взял куртку, только ее украли.

Бенджамин вздохнул.

– А документы у тебя есть?

– Есть. В рюкзаке. Мама дала.

Еще одна тонкая струйка дыма растворилась в темном воздухе. Бенджамин курил – совсем как дядь Вася.

– Ты не будешь возражать, если я потом посмотрю?

– Нет.

Наступила тишина – если не считать громкого храпа из ближайшей палатки. Агент тихонько сковыривал коросту с царапины на здоровой лодыжке. Бенджамин на него не смотрел.

– Тебе мама сказала, что я бандит и меня могут арестовать?

– Она сказала, что мой папа в горах.

– И не говорила, что тут опасно?

Агент достаточно повторял легенду, так что если Бенджамин пытается его завалить, то не получится.

– Она боялась, что меня оставят в приюте. Там плохо.

– А здесь, значит, хорошо, – задумчиво произнес Бенджамин. – Ладно. Придется тебе остаться с нами... на какое-то время. Во-первых, чтобы нога зажила. Во-вторых... не могу я сейчас тебя отпустить. Поживешь тут немного, а дальше посмотрим.

– Посмотрим, – откликнулся Агент.

– Маллори принес тебе поесть?

– Он молоко принес, – поморщился Агент.

– Ты его не пьешь? – Бенджамин наконец поглядел на него в упор.

– Не переносу, – сказал Агент.

– Надо же. Я тоже...

Бенджамин затих, явно думая о своем. Но не только он мог задавать вопросы. Агент на всякий случай придвинулся поближе и спросил:

– А что сегодня случилось?

– Мм?

– Почему вы меня сбили?

– А. – Лицо у Бенджамина стало виноватым. Как у работников лаборатории, когда их распекал доктор Вернер. – У нас в машине умер человек. Нехороший человек. Ну, по крайней мере, мне он таким показался. А второй нехороший человек на нас напал, и мы съехали с дороги. А там ты... Прости.

– Ничего. А что за человек?

– Да если б я знал! – сердито сказал Бенджамин, погасив окурок и втоптав его в землю. И будто про себя повторил: – Нойе Орднунг. Какой еще орднунг...

Агент похолодел. Это что же, за ним проверяющего послали? А ведь говорили, что ему наконец доверяют полноценную миссию... Или – не за ним? Может, у Организации здесь другие дела? Ведь не просто так Агента сюда отправили...

* * *

Он сидел и чистил оружие дядь Васе. И слушал – куратор не так часто бывал разговорчивым, но в такие моменты рассказывал о задании и то, чего Агенту знать не полагалось, главное – не прерывать его и вообще стать по возможности незаметным.

– Это принц, – говорил дядь Вася. – Только губу не раскатывай, там тебе не Саудовская Аравия. Вся страна как пол-Израиля, ее никто и не знает. И принц этот бродячий, после попытки переворота в лес ушел. И видимо, изволил чем-то помешать агенту Декелю...

Агент Декель состоял в Организации, но куратор явно считал, что лучше бы не состоял.

– А мы теперь тут станем бегать по его указке... Ты так точно, тебя за этим и отправляют. Он боится саботажа. Мол, этот Бенджамин помешает освоению территории... А по-моему, ему просто поперек горла встало, что крестник за ним не пошел.

Агенту к тому времени уже дали прочитать дело Бенджамина, поэтому он не стал спрашивать, куда тот не пошел. А спросил бы – куратор тут же прекратил бы бормотать себе под нос.

– Если желаешь знать, этот Декель хочет и на елку влезть, и задницу не ободрать.

Агент не слишком понимал, зачем агенту Декелю лезть на елку – он же вроде не снайпер? – но куратор иногда выражался очень странно.

– Он себе хочет устроить в Гибее красивую жизнь. Нашел, понимаешь, Аргентину. Желает потихоньку там осесть и торговать оружием. Что тут скажешь, страна, конечно, отсталая, но климат хороший, да и столица там весьма... Мне бы, может, тоже понравилось там отдыхать. Вот наши начальнички ему и помогают, кому же неохота на старости лет. Вернер вот уже подумывает, как там лабораторию обустроить. А что? Кто знает, где Гибейя? А принц тамошний все дело портит. Ушел в горы и развлекается. Поставки оружия срывает и все прочее.

Агент прилежно шуровал в стволе латунным ершиком. В голосе куратора ему почудились уважительные нотки. Но он твердо усвоил: какие бы чувства или эмоции ты ни испытывал к заданию, это не должно мешать уничтожению. Иначе какой ты вообще воин.

– А ты чего тут уши развесил, – спохватился наконец куратор, – отбой через пять минут. Заканчивай и спать.

Раньше – когда он был еще маленьким и глупым – Агент иногда думал, что мог бы прятать пистолет и постараться выбраться из лаборатории. Обычно такие мысли приходили после коррекции или процедур. Потом он понял, что идея эта – дурацкая и вовсе не достойная агента.

Да и не оставил бы ему никто оружия.

* * *

Он моргнул и снова стал отковыривать коросту. Может, если тот человек и правда был агентом, он приехал сюда из-за завода? Значит, Бенджамин снова помешал Организации...

Агент только открыл рот, чтобы расспросить его поподробнее, но тот поднялся и сказал:

– Пойдем-ка спать.

Оглядел его с сомнением.

– Может, отнести тебя все-таки перед сном?

Агент почувствовал, что ему и впрямь надо, и кивнул.

– Берись за шею. – Бенджамин снова подхватил его на руки.

Все-таки забавно это – когда тебя носят, а ты и не ранен по-настоящему. Нога же не считается. Он уткнулся подбородком Бенджамину в плечо и смотрел на звезды.

Джон

Остаток ночи Джон почти не спал, хоть и пытался себя заставить. Ребенок еле слышно сопел рядом. Он лежал на спине, сложив руки на одеяле – как в кадетской школе. Но пацану сколько – восемь, девять? – для такой школы он слишком мал. Джон вспомнил, что хотел посмотреть его документы, но теперь надо ждать до утра, не будить же мальчика, он и так прогулял полночи... Да и что там будет, в этих документах? Не записала же она на самом деле в отцы принца Гибей... Джон попытался вспомнить Миру, но далекий неясный образ плясал перед глазами, и его заслонял почему-то образ собственной матери. «Ты не способен позаботиться о ребенке», – сказала королева с фирменным прохладным сожалением в голосе. Возразить матери было нечего. Джону прежде не приходилось заботиться ни о ком, кроме себя, – и на одно это уходили все силы. Теперь он пекся о своих бойцах, но у него был Док, и потом – все они уже взрослые.

Что ж, подумал он, в очередной раз поворачиваясь на другой бок, привлечем Дока – да и остальных, пусть смотрят за мальчишкой, пока не придумаем, что с ним делать.

Он проснулся, кажется, через несколько секунд от грохота жестяных крышек, которыми дневальный с явной садистской радостью лупил друг о друга. Еле разлепил глаза, заметил рядом движение и едва не схватился за пистолет, прежде чем вспомнил о ребенке. Тот не спал, сидел на кровати прямо – собранный, с совершенно проснувшимся взглядом. Не то что Джон, который едва не сунул голову под подушку. Не хватало командиру проспать побудку.

К счастью, вход палатки разошелся, и внутрь ступил Маллори с кружкой горячего кофе.

– Ты ангел, – сказал Джон, принимая кружку. Он старался такого не поощрять: Маллори – капрал, а не дворецкий, да и бывшему принцу больше не с чего прислуживать, но сейчас кофе стал спасением. – Вернемся в столицу, построю в честь тебя храм.

Капрал заулыбался.

– А Джей-Би что принести? Будешь какао? Кофе тебе еще нельзя...

– У нас есть какао? – моргая, удивился Джон. Ему казалось, что пацаненок и без кофе неоправданно бодрый. Так же, как и Маллори, жаворонок чертов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.